

УДК 316.776

DOI: 10.17223/1998863X/36/18

А.Ю. Карпова

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ АНОМИИ

Исследуется концепция аномии. Автор рассматривает существующие концепции социальной и личностной аномии, определяет универсальность каждого подхода, чтобы определить причины происхождения определенной формы аномии в конкретный период времени. Предлагается расширение концепции, которое автор видит в обозначении новых форм аномии: аномия теории, аномия дискурса, информационная аномия.

Ключевые слова: информация, коммуникация, аномия, информационная аномия.

Тревожащее ощущение собственной оторванности не просто от мнений, но от всего жизненного опыта большого числа собственных современников, на самом деле типично для современных демократических обществ.

Альберт Хиршман

Понятие «аномия» принадлежит социологической науке, используется в различных сферах социологии и применяется для анализа состояний общества, оно буквально означает «беззаконие, безнормность» (*фр. anomie*)., нет Единого определения понятия «аномия» нет, так как такое социальное явление, как аномия, проявляется в различных аспектах и на разных уровнях. Понятие аномии полисеманлично, а явление аномии полиаспектно. Сама формулировка понятия претерпела коренные изменения: от понятия безнормности к понятию безнормативности, «так как второе означает не отсутствие норм, а отсутствие способности к нормативному урегулированию» [1. С. 69–70]. В форме метафоры данное понятие доведено до определения аномии, как «тенденции к социальной смерти; в своих крайних формах означает смерть общества» [2. С. 244].

В концепциях аномии как классиков, так и современных социологов существует неопределенность по поводу источника возникновения данного феномена. В целом, все концепции стремятся определить причины происхождения определенной формы аномии (социальной, личностной и др.), изучить и описать конкретные проявления – нарушения социального взаимодействия, объяснить социальные последствия, измерить уровень аномии в конкретном обществе, в конкретный период времени, типизировать аномичных индивидов. Но ни в одной из концепций не фигурирует источник. *Мы полагаем, что источник возникновения любой формы аномии следует искать в коммуникационной системе.*

Прежде чем приступить к объяснению выдвинутого тезиса, обратимся к тем концепциям, которые образуют многостороннюю мозаику теоретических объяснений и интерпретаций феномена аномии в социологии, каждая из ко-

торых описывает конкретную форму аномии в узко очерченном пространстве социума.

В качестве критерия для различения подходов, в которых, по нашему мнению, определены различные формы аномии, мы предлагаем рассматривать количественную и качественную реакцию на информацию, которая поступает по каналам коммуникации. Существенное значение в данном случае имеет «вес аномии» и «длина вектора». Под «весом аномии» мы предлагаем понимать количественную меру реакции в обществе на разрушение устойчивых паттернов норм и правил. Это величина и сила охвата аномией всех структурных элементов общества. В качестве «длины вектора» мы предлагаем понимать качественную меру реакции отдельных индивидов на «вызовы» и изменения правил и норм в обществе.

В работах Э. Дюркгейма, Р. Мертон, Т. Парсонса аномия рассматривается, прежде всего, на макроуровне, как социальное явление, а при анализе причин, как правило, рассматривается социальная нестабильность, кризисное состояние общественной системы. Само понятие аномии у данных авторов применяется в прямом (классическом) значении термина *anomie*, как безнормность, безнормативность.

В предметной области социологии понятие «аномия» определено Э. Дюркгеймом как состояние социальной дезорганизации общества, при котором происходит распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Ключевая идея Э. Дюркгейма заключается в том, что аномия возникает в период экономических кризисов, революций, войн и других масштабных потрясений. Любые перемены в политической, социально-экономической, культурной сферах жизни общества запускают в действие механизм заражения. Принципиально меняется самосознание человека и его отношение к окружающему миру, порождая, по мнению Дюркгейма, девиации, апатию и пессимизм в обществе [3].

Идея аномии Дюркгейма стала отправной точкой в создании социологической теории девиации. В самом общем смысле ее можно определить как описание социальной ситуации, при которой безнормность ведет к нарушению социального взаимодействия. Т. Парсонс расширил границы идеи аномии, разработав теорию анализов взаимодействия, продолжая заданный Э. Дюркгеймом вектор исследования солидарности в обществе [4]. Оттолкнувшись от ключевой идеи Дюркгейма о том, что солидарность – главный атрибут социальной системы, Парсонс выстраивает свою концепцию социального взаимодействия. Всякие действия людей, которые можно рассматривать и как случайные, и как закономерные, в любом случае ведут к каким-либо последствиям. Причем последствия можно частично предсказать и, соответственно, разработать механизм сохранения «социального равновесия», защиту от негативных последствий. Парсонс описывает такого рода механизмы, позволяющие снизить деструктивное влияние аномии, и определяет их по функциональным признакам.

Значительный вклад в разработку понятия социальной аномии внес и Р. Мертон. В своей концепции он акцентирует внимание на распад в культурной сфере жизни общества. Он описывает процесс разрушения между культурными нормами, целями и возможностями граждан. Люди вынуждены

ради получения высоких доходов, достижения социального статуса пренебрегать законом и моралью [5. С. 309–312]. Как отмечает сам Мертон, «цель оправдывает средства», становится ведущим принципом деятельности индивида в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения» [5. С. 307].

В самом общем виде вектор исследований в работах классиков задан: поиском причин и особенностей проявления аномии в обществе (Э. Дюркгейм); социоструктурных оснований (Р. Мертон); определением механизмов преодоления деструктивных последствий аномии (Т. Парсонс). Универсальность данного подхода в том, что в целом авторы исследуют «вес» социальной аномии.

Работы социально-психологической направленности содержат в себе одномерный массив микроуровня исследований, задаваемый в рамках изучения аномичных индивидов. Классическое понятие *anomie*, как правило, замещается на *anomia*, проводя границу между изучением аномии на уровне общества и на уровне отдельной личности¹. Исследователи сосредоточены на изучении такой формы аномии, как «аномия личности». К данному направлению можно отнести работы: по типологизации личностной аномии (Р. Макайвер, Д. Рисмен); изучению психопатологии аномичных индивидов (Э. Фромм); факторному анализу аномии (Г. Маклоски и Д. Шар); «аномической депрессии» (Р. Агнью); «одиночеству» (У. Садлер и Т. Джонсон); шкале аномии (Л. Сроула) и др. Как пример обобщающей характеристики аномичного индивида можно привести слова Р. Маккайвера: «Аномический человек духовно стерилен и ответствен лишь перед собой» [6. С. 79].

Дальнейшие исследования в этой области обогатили концептуальный аппарат «аномии личности» и привнесли новые методики и способы измерения аномичного состояния индивида. Частные проявления «аномической депрессии» у индейцев и изучение последствий конфликта культур описаны в работах В. Джилека [7]. «Общая теория напряжения» (Р. Агнью) направлена на изучение источников возникновения социально-психологического напряжения индивида и обозначение типов такого напряжения [8]. У. Садлер и Т. Джонсон исследовали влияние одиночества на возникновение аномии и провели масштабное измерение одиночества на четырех уровнях: космическом, культурном, социальном и межличностном.

Универсальность данного подхода мы определяем как исследование «длины вектора» личностной аномии.

Работы, которые направлены на поиск общих закономерностей и последствий проявления социальной и личностной аномии, привели научно-исследовательское сообщество к «междисциплинарному эклектизму» – синтезу подходов в исследовании сложного и мультидисциплинарного феномена аномии [9]. Например, синтез социальных, естественных и гуманитарных наук в исследовании аномии обосновывает С.А. Кравченко, предлагая использовать интегральный теоретико-методологический инструментарий. Вектор исследований макроуровня данный автор задает в рамках изучения

¹ Прим. автора: замещение термина *anomie* на *anomia* произошло благодаря работам американского социолога Лео Сроула.

«нормальной аномии», как расширение совокупных «уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [10. С. 3–10]. Проблема аномии за прошедшие два тысячелетия не только не утратила своей актуальности, скорее произошло, по выражению С.А. Кравченко, «переоткрытие аномии». Связано это с усложнением социальной динамики, становлением «сложного социума», с появлением современных концепций «текущей современности» (З.Бауман), «роста рисков» (Э. Гидденс) и другими. Кроме того, «переоткрытие аномии» связано еще и с тем, что онтологическая база для исследования данного феномена не является на сегодня исчерпывающей, как и анализ проявлений и последствий аномии или способы ее измерения.

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, авторитетного исследователя аномии в российском обществе, «понятие аномии вполне конкретное и жесткое, обозначает оно тяжелую социальную болезнь» [11. С. 7]. Термин «аномия» имеет негативную коннотацию и определяется как «программа-вирус» (Кара-Мурза), запускающая процесс дезинтеграции общества.

В более широком смысле данное направление исследований мы определяем как интегральное. Ключевая характеристика данного направления: теоретическое обоснование для различения между пониманием аномии как феномена «болезни общества», имеющего экспрессивно-ценностную окраску, к пониманию аномии как процесса, находящегося в прямой зависимости от темпоральности исследуемого поля: неподчинение устанавливаемым в конкретный исторический период нормам – разрушение старых норм и еще не прошедшее за этим принятие новых.

Универсальность данного подхода в том, что в нем значимы оба критерия: «вес аномии» и «длина вектора».

Эвристический потенциал в расширении концепции аномии заложен в работах современных социологов, но при этом не «привязан» к феномену аномии. Мы обозначили работы, имеющие неисчерпаемый потенциал для определения новых форм аномии как *метагруппы*.

Например, по своему содержанию работы, которые разрывают границы нормы в рамках социологической теории, мы условно определяем под названием «аномия теории». Акторно-сетевая теория (ANT) Мишеля Каллона, Бруно Латура, Джона Ло и их последователей (Э. Мол, М. Акрич, Н. Альбертсен, В. Синглтон и др.) бросает вызов классическим социологическим понятиям, таким как «общество» и «социальное», подвергают переопределению сам предмет социологии. Они ставят под сомнение само существование социальной материи (общество, социальное действие, социальный порядок, социальное измерение). Как пишет сам Латур, полемизируя со сторонниками классических подходов, «...нет никакой «социальной силы», которой можно было бы “объяснить” недоступные объяснению остаточные характеристики других областей» [12. С. 15].

Теоретическая революция по «пересборке социального» (Б. Латур), «материально-семиотический» подход как стирание границы между человеческими (humans) и нечеловеческими (nonhumans) агентами, приписывание нематериальным объектам равного с человеком статуса, в том числе и в части производства действия, являются примером аномии. Спорное, конфликтно

обособленное поле, несмотря на междисциплинарность АНТ, создаваемое этими авторами, запускает процесс перегруппировки связей, который состоит в разрыве одних и возникновении других в пределах социологической теории. Фактически рушатся одни нормы, но на смену им еще не пришли другие. Кроме того, сам процесс аномии вызывает «цепную реакцию» внутри научного сообщества. Разные школы на Западе, а теперь уже и в России, интерпретируют АНТ по-своему: от деконструкции социологического знания, «тупика норм» до «возвращения» первоначального смысла социальной теории. Герменевтический круг разрывается, поскольку происходит искажение внутри самой системы, претендующей стать нормой.

Другим примером, *метапотенциала* «аномии теории», на наш взгляд, является концепция мобильности Джона Урри. Классическая социальная мобильность П. Сорокина основана на смене социальных позиций в социальном пространстве в двух измерениях: горизонтальное/вертикальное. В работах Д. Урри социальная мобильность модифицируется в «новые правила». В них весь социальный мир представлен «...в широком диапазоне экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, в которые включаются, из которых следуют или которыми блокируются самые разные виды перемещений людей, идей, информации или предметов» [13. С. 209].

Манифест мобильности Д. Урри, как он сам заявляет, трансформирует социальную науку. Аномия в данном случае проявляется в том, что рушатся устойчивые социологические практики исследования мобильности, сама категория «общество» заменяется на «мобильность». Урри предлагает рассматривать движение (его виды, формы, изменяющиеся во времени и пространстве) как спусковой механизм, запускающий в действие различные мобильности всего многообразия материального и нематериального мира. Предлагаемый им «мобильный поворот» делает привычные нормы устаревшими, утратившими значения в усложняющемся социуме. Кроме того, аномия на макроуровне теории мобильности задает условия для появления аномии на микроуровне. То есть с появлением множества систем мобильности в каждой из них импульс к движению может рассматриваться как предсказуемым, так и непредсказуемым, рискованным и безопасным, воспроизводимым и невозможным к повторению. Взаимозависимые мобильности (телесные, физические, воображаемые, виртуальные, коммуникационные) создают новые нормы взаимодействия [13. С. 233]. Соответственно, в процессе движения норма может подвергнуться трансформации и перейти в безнормность.

Объединяющим началом *метагруппы* является то, что базовые для социологии понятия, которые берутся за точку отсчета, подвергаются деструкции, и пока сложно спрогнозировать, получат ли они в будущем статус нормы или будут критически осмыслены и отвергнуты социологическим сообществом.

Еще одной из потенциально возможных форм аномии мы предлагаем рассматривать «аномию дискурса». В качестве примера предлагаем рассмотреть последнюю работу американского экономиста Альберта Хиршмана «Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность» [14]. Суть его работы в описании базовых «императивов аргументации», которые определяют дискурс нескольких поколений граждан по поводу прогрессивных программ

и реформ начиная с Великой французской революции и заканчивая обществом «всеобщего благоденствия» XX века.

Фактически в его работе предпринята грандиозная попытка определить причины появления дискурсивных искажений в процессе политической коммуникации, за которыми последовали реакции в форме противодействия навязываемым императивам аргументации. А. Хиршман анализирует развитие риторики в словесных баталиях, полемических маневрах, формах аргументации определенных групп, «придерживающихся разных мнений относительно базовых политических проблем», между которыми вырастает искусственная стена непонимания [14. С. 9]. По сути, феномен, который описывает А. Хиршман, можно рассматривать как пример разрушения взаимодействия в социальной системе общества. Причины этому он видит в развитии «трех реакций», под которыми он определяет три последовательно сменяющие друг друга волны:

1) идейное консервативное движение, возникшее как реакция на провозглашение прав и свобод Великой Французской революции;

2) контрреформистское движение, возникшее в связи с признанием всеобщего избирательного права;

3) критическая реформационная волна в ответ на прогрессистскую концепцию государства всеобщего благосостояния [14. С. 13–15].

В трех ключевых тезисах, выдвинутых А. Хиршманом, отражена вся суть аномичных изменений в социальной системе. Он условно разделяет все риторические уловки политических оппонентов, присваивая им метафорические ярлыки в форме тезисов об извращении, тщетности, опасности.

Работа А. Хиршмана предоставляет огромный эмпирический материал для социологов в части осмысления причин аномии в различных типах обществ с той точки зрения, когда определение причинно-следственных связей между разрушением культурно-ценностной системы норм и правил напрямую связано с дискурсивными практиками социального взаимодействия. Социологическая направленность его работы несомненна. Хотя сам он считает, что сосредоточился только лишь на «холодном» анализе внешних феноменов: дискурса, аргументов, риторики. Мы считаем необходимым подчеркнуть исключительную важность его работы для расширения концепции аномии по следующим причинам:

Во-первых, он очерчивает контуры политической риторики в пространственно-временном континууме;

Во-вторых, дает почву для осмысления побудительных мотивов социального действия;

В-третьих, позволяет изучить реакцию на риторические уловки политических лидеров по каждому из реакционных периодов со стороны как отдельных индивидов, групп, так и общества в целом.

Эвристический потенциал *метагруппы* не ограничивается только лишь описанными выше формами аномии. Мы считаем, что возможности для расширения концепции заключаются в исследовании происходящих процессов аномичных изменений в обществе с привязкой к информационно-коммуникационной системе. Именно здесь мы видим неисчерпаемый потенциал для определения новых форм аномии.

В конце XX века философ Фред Дрекке написал: «Вначале была информация. Слово появилось позже. Переход произошел благодаря развитию организмов, обладающих способностью избирательно использовать эту информацию с тем, чтобы выжить и увековечить свой вид» [15. С. 12]. В этих словах, на наш взгляд, прослеживается ключевая взаимосвязь между возникновением аномии в обществе и ее источником.

Последствия почти безграничного потока информации служат причиной нарастающих социальных изменений в обществе. Происходящие трансформации, с которыми сталкиваются отдельные индивиды, группы, общество в целом, уже не поддаются простому анализу и даже намерения четко определить наличие или отсутствие такого феномена, как аномия, в том виде, в котором его изучали предыдущие поколения социальных ученых, кажутся сегодня анахронизмом. Аномия случалась и раньше, но никогда в таких масштабах. Она развивается, как дерево, которое отращивает ветви во многих направлениях. Постоянное восстановление, а не уничтожение, накопление, а не потеря информации привели к сегодняшнему тупику. В период, когда тотальный информационный шум, «цунами доступных фактов, контекстов и перспектив» создают ощущение перегрузки в сознании людей, аномия в определенной степени может становиться нормой, и в этом уже парадокс [16. С. 429].

Когда Клод Шеннон, один из основоположников теории информации, в 1949 году рисовал на листке бумаге пирамиду, пытаясь определить хотя бы приблизительное количество информации, содержащейся на разных информационных носителях, – на верхушке этой пирамиды у него находилась Библиотека Конгресса США, содержащая 100 трлн бит, 10^{14} информации [17]. Его последователь, современный исследователь в области квантовой теории информации Сет Ллойд (Seth Lloyd) спустя полвека обозначил цифру всей имеющейся на сегодняшний день информации в объеме 10^{90} бит [18]. Можно ли, наблюдая такой рост, избавиться от ощущения надвигающейся информационной катастрофы? И насколько трудно, или даже невозможно, описать существующую информационную реальность окончательно.

Вместе с теорией информации появились и перегрузка информацией, и избыток информации, и информационная усталость. Еще Маршалл Маклюэн в 1962 году высказал парадоксальную для того времени догадку о том, что избыток информации приведет к тому, что «...в конце беспорядок будет уже не преодолеть» [19]. И ведь это он говорил по поводу устной и письменной эпохи. Но это же можно принять и как его гениальное предвидение разрушительной силы электронных коммуникаций. Что последует за этим неконтролируемым поглощением огромного количества информации в человеческом сознании? Апатия? Пресыщение? Или «технологическая симуляция сознания», которую предсказывал М. Маклюэн? В самом пессимистическом варианте – глобальная эпидемия аномии, когда социальная система, переполненная энтропией, приблизится к некоему эволюционному рубежу.

Если раньше вся производимая и потребляемая человечеством информация частично исчезала, растворялась в небытие, и это была нормой, то теперь, с приходом информационных технологий, все наоборот. Мы можем записать и сохранить потенциально всю информацию. Во все периоды развития человеческой цивилизации, будь то период расцвета печатного станка

или период создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), постоянно возникают дискуссии о том, какие новые сложности, крайности, проблемы, зависимости возникают в социальных коммуникациях. Несмотря на непрекращающиеся споры о коммуникации в обществе, до сих пор ее качество несколько не улучшается. Наоборот, социальная коммуникация стала гораздо затруднительнее. Это и есть время, которое З. Бауман называл временем «слабых связей», когда связи становятся поверхностными, кратковременными, неустойчивыми. Это время «разжижения» взаимодействия в социальной системе общества [20. С. 161].

Можно сказать, что аномия всегда существовала в обществе, это не новый термин – это фундаментальный процесс. Классики социологии охватывали лишь отдельные ее стороны и давали им определения. В современном сложном обществе мы стали замечать во многих тенденциях прослеживающиеся закономерности, которые можно назвать производными более высокого порядка и дать им определение аномии. Каждая структурная единица общества может обладать неограниченной информационной вместимостью, имеет бесконечное число возможностей интерпретации информации, передача информации может быть сколь угодно различной по траектории и силе воздействия, *de facto*, каждый участник коммуникативного процесса имеет возможность изменять смысл информации. Следовательно, непрерывный процесс искажений информации становится характерной чертой коммуникации. Информация становится стратегическим ресурсом общества как на микроуровне (индивиды, группы), так и на макроуровне (нации, государства). Информация определяет порядок, устойчивость социальной системы, а ее искажение ведет к дезорганизации системы.

Применительно к процессу информационного обмена можно констатировать: мы наблюдаем новый феномен, «информационную аномию», которая выходит за рамки всего того, что до сих пор являлось нормой. *Информационную аномию мы определяем как непрерывный процесс производства искажений информации в коммуникативной цепи, который имеет естественные и искусственные формы происхождения и является продуктом информационного общества.*

Информация искажается всеми участниками коммуникации, что деструктивно влияет на общество, вызывая в массовой аудитории ощущение зыбкости, изменчивости всего и вся вокруг, тревожное ощущение собственной оторванности от мнений своих современников, о котором писал А. Хиршман. Массовая аудитория становится неспособна самостоятельно производить разумные оценки происходящего, продуцируя тотальное пространство и заражение общества социальной аномией. А она, как утверждают исследователи, практически не поддается «лечению».

Литература

1. Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 69–75.
2. Hilbert R.A. Durkheim and Merton on anomie: An unexplored contrast and its derivatives // Social Problems. 1989. N 36 (3). P. 244.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Прогресс. С. 299–313.
6. Маккайвер Р. Реальность социальной революции // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 78–94.
7. Jilek W.G. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial. Holt, Rinehart & Winston, Toronto, 1974. 131 p.
8. Agnew R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. Los Angeles: Roxbury Pub, 2006. 238 p.
9. Merton R. Sociological ambivalence. New York: Free Press, 1976.
10. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10.
11. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
13. Урри Д. Мобильности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5 (111). С. 197–252.
14. Хиришман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д.А. Узланера. М.: Изд. дом гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 208 с.
15. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981. 273 p.
16. Foster D.W. The Best American Essays 2007. New York: Mariner, 2007. 336 p.
17. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток // пер. с англ. М. Кононенко. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 576 с.
18. Lloyd S. Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes On the Cosmos. New York: Knopf, 2006. 223 p.
19. McLuhan. The Gutenberg Galaxy. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
20. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Karpova Anna Yu. – National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/18

HEURISTIC POTENTIAL OF ANOMIE CONCEPT EXPANDING

Keywords: information, communication, anomie, information anomie

The concepts of anomie, which form the multilateral mosaic of theoretical explanations and interpretations of the phenomenon of anomie in sociology, describe a particular form of anomie in narrowly outlined area of society. In the domain of sociology, there is uncertainty about the source of the emergence of the phenomenon of anomie. In general, all the concepts are aimed to determine the causes of the origin of certain forms of anomie (social, personal, etc.), analyze and describe the concrete manifestations (impaired social interaction), explain the social consequences, measure the level of anomie in a particular society at a particular time, typify anomie-prone individuals. But none of the concepts has the source mentioned. The author puts forward the idea that the source of any form of anomie is to be found in the communication pathway. As a criterion for distinguishing between approaches, the author proposes to consider both quantitative and qualitative response to the information coming through the channels of communication. Essential concepts in this framework of analysis are then the 'weight of anomie' and the 'vector of anomie'. By the 'weight of anomie' the author understands quantitative measure of the reaction in the society for the destruction of patterns of stable rules and regulations. It is the size and strength of anomie coverage of all structural elements of society. By the "vector of anomie" the author proposes to realize a qualitative measure of the reaction of individuals on the "challenges" and changes of the rules and regulations in society. The heuristic potential for the expansion of the concept of anomie according to author is laid in the works of modern sociologists, but it is not "tied" to the phenomenon of anomie. The works have an inexhaustible potential for the definition of new forms of anomie are referred by the author a meta-group. The common basis for the meta-group definition, according to the author, is the fact that the basic concepts of sociology, which are

taken as a starting point, are subject to decomposition and are difficult to predict whether in the future they will receive the status of the norm or will be critically re-analyzed and rejected by the sociological community. As new forms of anomie the author describes the followings: anomie of theory, anomie of discourse, and information anomie. The author puts forward the thesis: a continuous process of production of information distortion becomes an inherent part of the communication, all communication participants produce distortion of information, and anomie of information is a product of the information society.

References

1. Afanasiev, V. (1992) Evolyutsiya kontseptsii anomii v sotsiologii deviantnogo povedeniya [The evolution of the concept of anomie in the sociology of deviant behavior]. *Rubezh. Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*. 2. pp. 69–75.
2. Hilbert, R.A. (1989) Durkheim and Merton on anomie: An unexplored contrast and its derivatives. *Social Problems*. 36(3). p. 244. DOI: 10.1525/sp.1989.36.3.03a00030
3. Durkheim, E. (1994) *Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A sociological study]. Translated from French by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl'.
4. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [About Social Systems]. Translated from English by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky. Moscow: Akademicheskii Proekt.
5. Merton, R. (1996) Sotsial'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. In: Wolfgang, M. (ed.) *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaiznye teorii)* [Sociology of Crime]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Progress. pp. 299–313.
6. McIver, R. (1994) Real'nost' sotsial'noy revolyutsii [Reality of a social revolution]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Translated from English by A. Burak. Moscow: Moscow State University. pp. 78–94.
7. Jilek, W.G. (1974) *Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart & Winston.
8. Agnew, R. (2006) *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory*. Los Angeles: Roxbury Pub.
9. Merton, R. (1976) *Sociological ambivalence*. New York: Free Press.
10. Kravchenko, S.A. (2014) "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii [The "Normal anomie": the contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8(364). pp. 3–10.
11. Kara-Murza, S.G. (2013) *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and manifestations]. Moscow: Nauchnyy ekspert.
12. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktarno-setevuyu teoriyu* [Social Rebuilding: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskoy. Moscow: HSE.
13. Urry, D. (2012) Mobil'nosti [Mobilities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 5(111). pp. 197–252.
14. Hirschman, A. (2010) *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'* [The rhetoric of reaction: A perversion, the futility, the danger]. Translated from English by D.A. Uzlaner. Moscow: HSE.
15. Dretske, F. (1981) *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
16. Foster, D.W. (2007) *The Best American Essays 2007*. New York: Mariner.
17. Glik, J. (2013) *Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok* [The Information. A History. A Theory. A Flood]. Translated from English by M. Kononenko. Moscow: AST: CORPUS.
18. Lloyd, S. (2006) *Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes On the Cosmos*. New York: Knopf.
19. McLuhan, M. (1962) *The Gutteberg Galaxy*. Toronto: University of Toronto Press.
20. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu. Asochakov. St. Petersburg: Piter.